

Тургенев Иван Сергеевич

Где тонко, там и рвется

Комедия в 1 действии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Где тонко, там и рвется: Комедия в 1 действии / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 42 с.

ISBN 978-5-519-77945-6

ISBN 978-5-519-77945-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

только бѣдная. Я подозреваю, что она зла какъ моська, и знаю навѣрное, что она благодѣтельница своей терпѣть не можетъ... Но мало чего нѣтъ! Гувернантка французенка въ домѣ водится, разливаетъ чай, вздыхаетъ по Парижу и любитъ le petit mot pour rire, томно подкатываетъ глазки... землемѣры и архитекторы за ней волочатся; но такъ-какъ она въ карты не играетъ, а преферансъ только втроемъ хорошъ, то и держится для этого раззорившійся капитанъ въ отставку, нѣкто Чухановъ, съ виду усачъ и рубака, а на дѣлѣ низкопоклонникъ и льстецъ. Всѣ эти особы ужъ такъ изъ дому и не выѣзжаютъ, но у г-жи Либановой много другихъ пріятелей... всѣхъ не перечесть... Да! я и забылъ назвать одного изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей, доктора Гутмана, Карла Карлыча. Человѣкъ онъ молодой, красивый, съ шелковистыми бакенбардами; дѣла своего не смыслить вовсе, но ручки у Анны Васильевны цалуетъ съ умилениемъ... Аннѣ Васильевнѣ это не непріятно, и ручки у ней недурны; жирны немножко, а бѣлы, и кончики пальцевъ загнуты кверху...

Мухинъ (*съ нетерпѣніемъ*). Да что жъ ты о дочери ничего не говоришь?

Горскій. А вотъ постой. Ее я къ концу приберегъ. Впрочемъ, что мнѣ тебѣ сказать о Вѣрѣ Николаевнѣ? Право, не знаю. Дѣвушку въ восемнадцать лѣтъ кто разберетъ? Она еще сама вся бродитъ, какъ молодое вино. Но изъ нея можетъ славная женщина выйти. Она тонка, умна, съ характеромъ; и сердце-то въ ней нѣжное, и пожить-то ей хочется, и эгоистъ она большой. Она скоро за-мужъ выйдетъ.

Мухинъ. За кого?

Горскій. Не знаю... А только она въ дѣвкахъ не засидится.

Мухинъ. Ну, разумѣется, богатая невѣста.

Горскій. Нѣтъ, не оттого.

Мухинъ. Отчего же?

Горскій. Оттого, что она поняла, что жизнь женщины на-

чинается только со дня свадьбы: а ей хочется жить. Послушай... но который теперь часъ?

Мухинъ (*поглядѣвъ на часы*). Десять...

Горскій. Десять... Ну, такъ я еще успѣю. Слушай. Между мной и Вѣрой Николаевной борьба идетъ страшная. Знаешь ли ты, зачѣмъ я прискакалъ сюда, сломя-голову, вчера по-утру?

Мухинъ. Зачѣмъ? нѣтъ, не знаю.

Горскій. А зачѣмъ, что сегодня одинъ молодой человѣкъ, тебѣ знакомый, намѣренъ просить ея руки.

Мухинъ. Кто это?

Горскій. Станицынъ.

Мухинъ. Владиміръ Станицынъ?

Горскій. Владиміръ Петровичъ Станицынъ, отставной гвардіи поручикъ, большой мой пріятель, впрочемъ добрѣйшій малый. И вотъ что посуди: я же самъ его ввелъ въ здѣшній домъ. Да что ввелъ! я его именно съ тѣмъ и ввелъ, чтобы онъ женился на Вѣрѣ Николаевнѣ. Онъ человѣкъ добрый, скромный, недалекаго ума, лѣнивый, домосѣдъ: лучшаго мужа ей и требовать нельзя. И она это понимаетъ. А я, какъ старинный другъ, желаю ей добра.

Мухинъ. Такъ ты сюда прискакалъ для того, чтобы быть свидѣтелемъ счастья твоего protégé?

Горскій. Напротивъ, я пріѣхалъ сюда для того, чтобы разстроить этотъ бракъ.

Мухинъ. Я тебя не понимаю.

Горскій. Гм... а кажется, дѣло ясно.

Мухинъ. Ты самъ на ней жениться хочешь, что ли?

Горскій. Нѣтъ не хочу; да и не хочу тоже, чтобы она вышла за-мужъ.

Мухинъ. Ты въ нее влюбленъ.

Горскій. Не думаю.

Мухинъ. Ты въ нее влюбленъ, другъ мой, и боишься проболтаться.

Горскій. Что за вздоръ! Да я готовъ все тебѣ рассказать..

Мухинъ. Ну, такъ ты сватаешься...

Горскій. Да нѣтъ же. Во всякомъ случаѣ я жениться на ней не намѣренъ.

Мухинъ. Ты скромнень, — нечего сказать.

Горскій. Нѣтъ, послушай; я говорю съ тобой теперь откровенно. Дѣло вотъ въ чемъ. Я знаю, знаю навѣрное, что еслибъ я попросилъ ея руки, она бы предпочла меня нашему общему другу, Владиміру Петровичу. Что же касается до матушки, то мы оба со Станицынымъ въ ея глаза равно приличные женихи... Она не будетъ прекословить. Вѣра думаетъ, что я въ нее влюбленъ, и знаетъ, что я боюсь брака пуще огня... ей хочется побѣдить во мнѣ эту робость... вотъ она и ждетъ... Но долго ждать она не будетъ. И не оттого, чтобы она боялась потерять Станицына; этотъ бѣдный юноша горитъ и таетъ какъ свѣчка... Притомъ же она слишкомъ горда и избалована, ну и собой хороша, чтобы ей дорожить лишнимъ женихомъ, хотя она, какъ умная женщина, находитъ его весьма удобнымъ... Но другая есть причина, почему она больше ждать не будетъ. Она начинаетъ меня пронюхивать, разбойница! подозрѣвать меня начинаетъ! Она, правду сказать, меня слишкомъ къ стѣнѣ прижать боится, да съ другой стороны желаетъ наконецъ узнать, что же я, какія мои намѣренія. Вотъ оттого-то между нами борьба и кипитъ. Но, я чувствую, нынѣшній день — рѣшительный. Выскользнетъ эта змѣя у меня изъ рукъ или меня задушитъ самого. Впрочемъ я еще не теряю надежды... Авось и въ Спиллу не попаду, и Харибду миную! Одна бѣда: Станицынъ до того влюбленъ, что ревновать и сердиться не способенъ. Такъ и ходитъ съ разинутымъ ртомъ и сладкими глазами. Смѣшонъ онъ ужасно, да однѣми насмѣшками теперь не возьмешь... Надо быть нѣжнымъ. Ужъ я и началъ вчера. И не принуждалъ себя, вотъ что удивительно. Я самого себя перестаю понимать, ей-Богу.

Мухинъ. Какъ же это ты началъ?

Горскій. А вотъ какъ. Я уже тебѣ сказалъ, что я пріѣхалъ

вчера довольно рано. Третьяго дня вечеромъ я узналъ о намѣреніи Станицына... Какимъ образомъ, объ этомъ распространяться нечего... Станицынъ довѣрчивъ и болтливъ. Я не знаю, предчувствуетъ ли Вѣра Николаевна предложеніе своего обожателя, — отъ нея это станется. — только она вчера какъ-то особенно за мной наблюдала. Ты не можешь себѣ представить, какъ трудно, даже привычному человѣку, сносить проницательный взглядъ этихъ молодыхъ, но умныхъ глазъ, особенно когда она ихъ немного прищурить. Вѣроятно ее также поразила перемѣна моего обращенія съ нею. Я слышу за человѣка пасмѣшливаго и холоднаго, и очень этому радъ... съ такой репутаціей легко жить... но вчера мнѣ пришлось прикинуться озабоченнымъ и нѣжнымъ. Къ чему лгать? Я дѣйствительно чувствовалъ небольшое волненіе, и сердце охотно смягчалось. Ты меня знаешь, другъ мой Мухинъ; ты знаешь, что я, въ самыя великолѣпныя мгновенья человѣческой жизни, не въ состояніи перестать наблюдать... а Вѣра представляла вчера зрѣлище плѣнительное для нашего брата, рожденнаго зрителя. Она и отдавалась увлеченію, если не любви, — я не достоинъ такой чести — по крайней мѣрѣ любопытству, и боялась и не довѣряла себѣ, и сама себя не понимала... Все это такъ мило отражалось на ея свѣжемъ личикѣ. Я цѣлый день не отходилъ отъ нея и къ вечеру почувствовалъ, что начинаю терять власть надъ самимъ собою... О! Мухинъ, Мухинъ, продолжительная близость молодыхъ плечей, молодаго дыханія преопасная вещь! Вечеромъ мы пошли въ садъ. Погода была удивительная... тишина въ воздухѣ невыразимая... M-me Vienaimé вышла на балконъ со свѣчкой: и пламя не шевелилось. Мы долго гуляли вдвоемъ, въ виду дома, по мягкому песку дорожки, вдоль пруда. И въ водѣ и на небѣ тихонько мерцали звѣзды... Снисходительная, но осторожная M-me Vienaimé съ высоты балкона слѣдила за нами взоромъ... Я предложилъ Вѣрѣ Николаевнѣ сѣсть въ лодку. Она согласилась... Я началъ грести и тихонько доплылъ до середины

неширокаго пруда... Où allez vous donc? раздався голосъ француженки... Nulle part, отвѣчалъ я громко и положилъ весло. Nulle part, прибавилъ я вполголоса... Nous sommes trop bien ici. Вѣра потупилась, улыбнулась и начала кончикомъ зонтика чертить по водѣ... Милая, задумчивая улыбка округляла ея младенческія щеки... она собиралась говорить, и только вздыхала, да такъ весело, вотъ какъ дѣти вздыхаютъ. Ну, что мнѣ тебѣ еще сказать? Я послалъ къ чорту всѣ свои предосторожности, намѣренія и наблюденія, былъ счастливъ и былъ глупъ, читалъ ей наизусть стихи... ей-Богу — ты не вѣришь? ну, ей-Богу же читалъ, и еще дрожащимъ голосомъ... За ужинномъ я сидѣлъ подлѣ нея... Да... это все хорошо... Дѣла мои въ отличномъ положеніи, и еслибъ я хотѣлъ жениться... Но вотъ въ чемъ всѣ бѣда. А ея не обманешь... нѣтъ. Иныя, говорятъ, женщины отлично на шпагахъ дерутся. И у ней не выбьешь шпаги изъ руки. Впрочемъ, посмотримъ сегодня... Во всякомъ случаѣ, я удивительный вечеръ провелъ... А ты что-то задумался, Иванъ Павлычъ?

Мухинъ. Я? я думаю, что если ты не влюбленъ въ Вѣру Николаевну, такъ ты либо чудакъ большой, либо невыносимый эгоистъ.

Горскій. Можетъ быть, можетъ быть, да и кто... Тс! идутъ... Aux armes! я надѣюсь на твою скромность.

Мухинъ. О! разумѣется.

Горскій (*глянувъ въ дверь гостиной*). А! M-lle Bienaimé... Всегда первая... по-неволю... Ее чай ждетъ. (*Входитъ M-lle Bienaimé. Мухинъ встаетъ и кланяется. Горскій подходитъ къ ней*). Mademoiselle, j'ai bien l'honneur de vous saluer.

M-lle Bienaimé (*пробираясь въ столовую и изъ-подлѣбья поглядывая на Горскаго*). Bien le bonjour, monsieur.

Горскій. Toujours fraîche comme une rose.

M-lle Bienaimé (*съ ужимкой*). Et vous, toujours galant. Venez, j'ai quelque chose à vous dire. (*Оба уходятъ въ столовую*).

Мухинъ (*одинъ*). Что за чудакъ этотъ Горскій! И кто его

просилъ меня выбрать въ повѣренныя? (*Прохаживается*). Ну, за дѣломъ я пріѣзжалъ... Еслибъ можно было.

Стѣнная дверь въ садъ быстро растворяется; входитъ Вѣра въ бѣломъ платьѣ. У ней въ рукахъ свѣжая роза. Мухинъ оглядывается и кланяется съ замѣшательствомъ; Вѣра останавливается въ недоумѣніи.

Мухинъ. Вы... вы не знаете меня... я...

Вѣра. Ахъ, Мг... Мг... Мухинъ... я никакъ не ожидала... когда вы пріѣхали?

Мухинъ. Сегодня ночью... Вообразите, мой ямщикъ...

Вѣра (*перебивая его*). Маменька очень будетъ рада. Надѣюсь, что вы у насъ погостите... (*оглядывается*).

Мухинъ. Вы можете быть ищите Горскаго... Онъ сейчасъ вышелъ.

Вѣра. Почему вы думаете, что я ищу г. Горскаго.

Мухинъ (*не безъ замѣшательства*). Я... я думалъ...

Вѣра. Вы съ нимъ знакомы?

Мухинъ. Давно; мы съ нимъ вмѣстѣ служили.

Вѣра (*подходя къ окну*). Какая сегодня прекрасная погода.

Мухинъ. Вы уже гуляли по саду?

Вѣра. Да... я рано встала... (*глядитъ на край своего платья и на ботинки*). Такая роса...

Мухинъ (*съ улыбкой*). И роза ваша, посмотрите, вся въ росѣ...

Вѣра (*глядитъ на нее*). Да...

Мухинъ. Позвольте спросить... вы для кого ее сорвали?...

Вѣра. Какъ для кого? для себя.

Мухинъ (*значительно*). А!

Горскій (*выходя изъ столовой*). Хочешь чаю, Мухинъ? (*увидя Вѣру*). Здравствуйте, Вѣра Николаевна.

Вѣра. Здравствуйте.

Мухинъ (*поспѣшно и съ притворнымъ равнодушіемъ къ Гор-*

скому). А чай развѣ готовъ? Ну, такъ я пойду (*уходитъ въ столовую*).

Горскій. Вѣра Николаевна, дайте жѣ мнѣ вашу руку... (*Она молча подаетъ ему руку*). Что съ вами?

Вѣра. Скажите мнѣ, Евгеній Андреичъ, вашъ новый пріятель, Mr. Мухинъ глупъ?

Горскій (*съ недоумѣніемъ*). Не знаю... говорятъ, неглупъ. Но что за вопросъ...

Вѣра. Вы съ нимъ большіе пріатели?

Горскій. Я съ нимъ знакомъ... но чтожъ... развѣ онъ...

Вѣра (*поспѣшно*). Ничего... я такъ... какое чудесное утро!

Горскій (*указывая на розу*). Я вижу, вы уже гуляли сегодня.

Вѣра. Да... Mr. Мухинъ меня уже спрашивалъ, кому я сорвала эту розу.

Горскій. Чтожъ вы ему отвѣчали?

Вѣра. Я ему отвѣчала, что для себя.

Горскій. И въ самомъ дѣлѣ вы ее для себя сорвали?

Вѣра. Нѣтъ, для васъ. Вы видите, я откровенна.

Горскій. Такъ дайте жѣ мнѣ ее.

Вѣра. Теперь я не могу... я принуждена заткнуть ее себѣ за поясъ или подарить ее M-me Vienaimé. Какъ это весело! И по-дѣломъ. Зачѣмъ вы не первый сошли внизъ.

Горскій. Да я и такъ прежде всѣхъ былъ здѣсь.

Вѣра. Такъ зачѣмъ я васъ не перваго встрѣтила?

Горскій. Этотъ несносный Мухинъ!

Вѣра (*поглядывая на него сбоку*). Горскій, вы со мной хитрите.

Горскій. Какъ...

Вѣра. Ну, это я вамъ послѣ докажу... А теперь пойдете чай пить.

Горскій (*удерживая ее*). Вѣра Николаевна, послушайте, вы меня знаете. Я человѣкъ недоувѣрчивый, странный; съ виду я насмѣшливъ и развязенъ, а на самомъ дѣлѣ я, просто, чело-вѣкъ. Притомъ все, что со мной происходитъ, такъ для меня

ново... Вы говорите, я хитрю... Будьте снисходительны со мной... войдите въ мое положеніе. (*Вѣра молча поднимаетъ глаза и пристально глядитъ на него*). Я васъ увѣряю, мнѣ еще никогда не случалось говорить съ женщиной такъ, какъ я съ вами говорю... оттого мнѣ бываетъ трудно... Ну, да я привыкъ притворяться... Разъигрывать роль такъ легко... Но не глядите такъ на меня... Ей-Богу, я заслуживаю поощренія.

Вѣра. Горскій, меня легко обмануть... Я выросла въ деревнѣ и мало видѣла людей... Меня легко обмануть; да къ чему? Славы вамъ большой отъ этого не будетъ... А играть со мною... Нѣтъ, я этому не хочу вѣрить... Я этого не заслуживаю, да и вы не захотите...

Горскій. Играть съ вами... Да поглядите на себя... Да эти глаза насквозь все видятъ. (*Вѣра тихонько отворачивается*). Да знаете ли вы, что когда я съ вами, я не могу... ну, рѣшительно не могу не высказать всего, что я думаю... Въ вашей тихой улыбкѣ, въ вашемъ спокойномъ взорѣ, въ вашемъ молчаніи даже, есть что-то до того повелительное...

Вѣра (*перебивая его*). А, вамъ не хочется высказываться? Вамъ все хочется лукавить?

Горскій. Нѣтъ... Но послушайте, къ чему притворяться? Кто изъ насъ высказывается весь? хоть вы напимѣрь...

Вѣра (*опять перебивая его и съ усмѣшкой глядя на него*). Именно кто высказывается весь?

Горскій. Нѣтъ, я о васъ теперь говорю. Напимѣрь, скажите мнѣ откровенно, ждете вы сегодня кого-нибудь?

Вѣра (*спокойно*). Да; Станицынъ вѣроятно сегодня къ намъ пріѣдетъ.

Горскій. Вы ужасная женщина. У васъ даръ, ничего не скрывая, ничего не высказать... La franchise est la meilleure des diplomaties, вѣроятно потому, что одно не мѣшаетъ другому.

Вѣра. Стало быть и вы знали, что онъ долженъ пріѣхать.

Горскій (*съ легкимъ смущеніемъ*). Зналъ.

Вѣра (*нюхая розу*). А вапъ Мг. Мухинъ... тоже... знаетъ?
Горскій. Что вы меня все о Мухинѣ спрашиваете? Отчего вы...

Вѣра (*перебивая его*). Ну, полноте, не сердитесь... Хотите, мы послѣ чаю пойдемъ въ садъ? Мы съ вами поболтаемъ... Я у васъ спрошу...

Горскій (*постынно*). Что?

Вѣра. Вы любопытны... Мы съ вами поговоримъ... о важномъ дѣлѣ. (*Изъ столовой раздается голосъ М-ле Виенамѣ*). C'est vous, Véra?

Вѣра (*вполголоса*). Какъ-будто она прежде не слышала, что я здѣсь. (*громко*) Oui, c'est moi, bonjour, je viens. (*Уходя, она бросаетъ розу на столъ и въ дверяхъ говоритъ Горскому*). Приходите же (*уходитъ въ столовую*).

Горскій (*Одинъ; медленно беретъ розу и остается нѣсколько времени неподвижнымъ*). Евгеній Андреичъ, другъ мой, я долженъ сказать вамъ откровенно, что вы, сколько мнѣ кажется, этому бѣсенку не подѣ силу. Вы вертитесь и такъ и сякъ, а она и пальчикомъ не шевельнетъ, и между тѣмъ пробалтываетесь-то вы. А впрочемъ что же? Либо я одолѣю — тѣмъ лучше, либо я проиграю сраженіе — на такой женщинѣ не стыдно жениться. Оно жутко, точно... да съ другой стороны, къ чему беречь свободу?... Намъ съ вами пора перестать ребячиться. Однако постоитъ, Евгеній Андреичъ, постоитъ, вы что-то скоро сдаетесь... (*глядитъ на розу*). Что ты значишь, мой бѣдный цвѣтокъ? (*быстро оборачивается*). А! маменька съ своей подругой... (*Бережно кладетъ розу въ карманъ. Изъ гостиной входитъ г-жа Либанова съ Варварой Ивановной, Горскій идетъ къ нимъ на-встрѣчу*). Bonjour, mesdames; какъ вы почивали?

Г-жа Либанова (*даетъ ему кончики пальцевъ*). Bonjour, Eugène... У меня голова сегодня немного болитъ.

Варвара Ивановна. Вы поздно ложитесь, Анна Васильевна.

Г-жа Либанова. Можетъ быть... А гдѣ Вѣра? Вы ее видѣли?

Горскій. Она въ столовой за чаемъ съ M-lle Bienaimé и Мухинымъ.

Г-жа Либанова. Ахъ, да, Mr. Мухинъ, говорятъ, сегодня ночью пріѣхалъ. Вы его знаете? (*садится*).

Горскій. Я съ нимъ давно знакомъ. Вы не идете чай пить?

Г-жа Либанова. Нѣтъ, у меня отъ чаю волненіе дѣлается... Гутманъ мнѣ запретилъ. Но я васъ не удерживаю... Ступайте, ступайте, Варвара Ивановна. (*Варвара Ивановна уходитъ*). А вы Горскій, остаетесь?

Горскій. Я уже пилъ.

Г-жа Либанова. Какой прекрасный день! Le capitaine — видѣли вы его?

Горскій. Нѣтъ, не видалъ; онъ должно быть, по обыкновенію, по саду гуляетъ... ищетъ грибовъ.

Г-жа Либанова. Вообразите, какую онъ вчера игру выигралъ... Да сядьте... Чтожъ вы стоите? (*Горскій садится*) У меня семь въ бубнахъ и король съ тузомъ червей, — червей, замѣтите. Я говорю: играю; Варвара Ивановна — пасъ, разумѣется; этотъ злодѣй говоритъ тоже: играю; я семь и онъ семь; я въ бубнахъ; онъ въ червяхъ. Я приглашаю; но у Варвары Ивановны, какъ всегда, ничего нѣту. И что жъ она, какъ вы думаете? Возьми и поди въ маленькую пику... А у меня король самъ-другъ. Ну, разумѣется, онъ выигралъ... Ахъ, кстати мнѣ въ городъ послать надобно... (*звонитъ*).

Горскій. Зачѣмъ?

Дворецкій (*входитъ изъ столовой*). Что прикажете?

Г-жа Либанова. Пошли, въ городъ Гаврила за мѣлками, знаешь, какіе я люблю.

Дворецкій. Слушаю-съ.

Г-жа Либанова. Да скажи, чтобы побольше ихъ взяли... А что покось?

Дворецкій. Слушаю-съ. Покось продолжается.